

Иван Седов

ОРИГАМИ

Ничто не бывает случайно!

Иван Николаевич Седов

Оригами. Ничто не бывает случайно!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25912431

ISBN 9785448568176

Аннотация

То, что мы испытываем и чем дышим каждый взрослый день – рутина; все, что мы воплощаем в течение дней свыше, – бутофория судьбы. Мы все в минимальной или более степени даны друг другу, чтобы как-то повлиять на дальнейший ход мыслей, жизни, целей. Каждое наше действие порой принципиально меняет намеченный маршрут на день, каждая встреча вводит нас в различные эмоции, также влияя на дальнейшую судьбу дня, недели, месяца и лет.

Содержание

Оригами	5
Портрет Лайза Грина	7
Досье Чарльза Дэвиса	9
О Скотте Хэндриксоне	11
Образ Хельги Сайкс	13
Ночной Оуквуд	15
Бутерброд с шоколадным маслом	21
Волею судеб	26
Фонтан	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Оригами

Ничто не бывает случайно!

Иван Николаевич Седов

Корректор Анна Валерьевна Склярова

Редактор Екатерина Владимировна Учаева

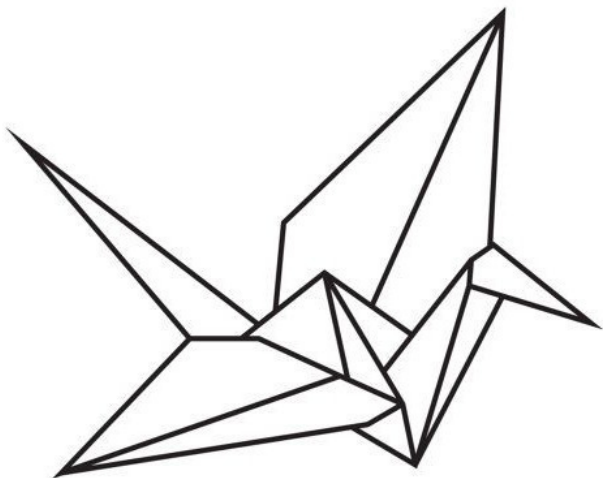
© Иван Николаевич Седов, 2017

ISBN 978-5-4485-6817-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оригами

История начинается не с теплой уютной комнаты, освещенной первыми лучами солнца, где герой лениво открывает глаза. И даже не со встречи двух занятых людей без зонтика в проливной английский афтернун. Возможно, она начинается с каждого из нас. С того момента, когда мы хотя бы на минуту закрываем глаза на окружающие нас мелочи. И замечаем, что на востоке за офисным центром выглянула радуга. На проспекте, где каждое утро спешащие добряки зло матерят друг друга, сейчас мамочка покачивает спящего младенца в коляске. И так, черт возьми, хочется сорвать со своей руки вечно торопящие часы, навязывающие своими цифрами нам рамки во всем прекрасном! Подобно Тайлеру Дердену взорвать все финансовые организации или словно герои старика Брэдбери отправиться в бесконечные каникулы по Флориде... Дело не в сотнях долларов и не в десятках друзей. Дело в каждом из нас.

Портрет Лайза Грина

Слегка растрепанные волосы, уложенные пробором, наверное, служащие метафорой для хаотичного потока мыслей при одновременной интеллигентности. Цвет тяготеет к рису. Выразительные брови, на шее, с левой стороны от зрителя, присутствует небольшое родимое пятно. Глаза светло-зеленые, помогают своему хозяину видеть вещи более позитивно, чем те есть на самом деле. Нос – как порядочный нос! Классический, обыкновенный, зеркальный относительно медианы между глазами. То же самое можно сказать и про уши. «Так... что же еще, о себе в третьем лице, глядя на фотографию...»

Комплекция не блещет крайностями; в то время, как Скотт явно худощав и высок, а Чарли страдает избытком веса, Лайз находится на «золотой середине». При носке рубашки со свободным воротником видны ключицы, однако, при тесном свитере слегка выпячивает пузо. Слегка. Не критично, чтобы бить панику и «с завтрашнего дня обязательно» начинать бегать, пропагандируя диванный ЗОЖ. Рост, кстати, повыше среднего – почти 6 футов без 5-ти см., впрочем, о последних Лайз никогда не переживал: ни в детстве, соперничая с компаньонами по двору, ни за школьной скамьей, и уж тем более ни с лысым Ларри, худым Скоттом и толстым Чарли.

На запястье левой руки верные спутники передрыг – часы. Больше Лайз не приемлет аксессуаров на теле, лишь изредка позволяя добавить к парадной рубашке запонки, однако, данные поводы исключительны, и читатель вряд ли застанет Лайза за их примеркой, разве что, изрядно постаравшись. Он вообще любитель нейтральной, спокойной цветовой гаммы. «Период бурных контрастов, – как однажды признался Лаз, – уже далеко позади. Я спутник стабильности!» Что ж, вполне естественно для журналиста, периодически откровенничаящего с фонарем. Исключительно юмор! Ведь мы пишем портрет категорически хорошего человека. Впрочем, о действиях судить вам.

Наверное, Лаз – идеальный кандидат на поговорку «внутренний мир человека отражен в его внешности». Умение сглаживать неприятности, выходить мудро из конфликтных ситуаций, одновременно не теряя хватки отдыхать и на один вечер уходить в отрыв. Потенциальный семьянин, не изживший в себе завидного жениха сквозь лабиринты рутины.

*«...ни хорош, ни плох, и лавры бытовые
Но богатый мир и мысли роковые...»*

Досье Чарльза Дэвиса

Под этими шикарными инициалами на всеобщее удивление скрываются паспортные данные добродушного Чарлея; уж его родословная постаралась наградить юнца! Впрочем, в детстве он полностью его оправдывал: осанка на зависть, приличный рост и статные плечи, правда с годами и чередой не слишком приятных бытовых событий ставшие мешковатыми. Даже сейчас, при первом взгляде, различимы оттенки боевой молодости старины.

Да, порою носит несколько дней подряд одну белую рубашку, разумеется, сочетая ее с подтяжками. Он приверженец классического мужского стиля, эдак на несколько размеров больше. В машине на заднем сиденье всегда пиджак, причем всегда кажущийся свежим и выглаженным. Хотя мы все помним разбросанный арахис на сиденье, и то, что Чарли может приналечь на выпивку, категорически нельзя олицетворять его сердце с негативом.

Он аккуратист в действиях, нежели в себе. Возможно, служба в войсках в юные года сыграла в этом свою роль, но при малейшем вопросе о ней он партизански молчит. Иногда он может проявлять свою закалку взглядов, ярый консерватизм в неподвластных ему вещах. Но что-что, а на авантюрах с ним не прогоришь! Вытащить, правда, легче бегемота из болота, чем его на нее. Но старый порох стре-

ляет – стены замка рушатся.

Под носом усы. Довольно густые, но при естественном освещении различима легкая седина на них. Голова преобладающе отражает солнечные лучи, но по бокам никаких претензий. Нос, по правде говоря, значительно больше, чем у Лайза. Вообще, голова больше похожа на основательный круг. Если бы он годами плотно наедал щеки, то стал бы похож на хомяка-мутанта с грушевидной головой, но, – мы не фантастические мемуары описываем. Глаза у Чарли карие, отражающие патриотичность, надежность и, скорее, доверие. Порою в непонятных ситуациях они мечутся из угла в угол, как боксеры по рингу, но старая хватка делает свое смирительное дело. Он редко улыбается, чаще возмущается над нашими добрыми издевательствами, и его внутренний мир значительно возвышается над внешним. Не лишним было бы добавить, что он имеет упитанную шею, а неслабые морщины имеют его. Любимый цвет – темно зеленый.

«...врагу не сдается наш гордый «Варяг»

все стихии сокрушив, после ужина на боковую бряк...»

О Скотте Хэндриксоне

В отличие от исчерпывающего знания Чарльза я не могу однозначно описать Скотта! Сложно говорить о человеке, который за один чертов диалог может встать выше тебя на десять ментальных голов, а затем успокоить тебя, пошутив о чем-то приземленном. Он не теряет себя, не теряет своего непоколебимого позитивного лица, стой он хоть в октябрьский дождь в тонкой майке с вымокшей сигаретой в зубах. Черт, человек-загадка.

Возможно, он не тот персонаж, ключ к которому нужно долго и упорно искать: он сам спонтанно, с первого взгляда и попытки заговорить, найдет нужную манеру, правильный подход. Нужно принимать его таким, какой он есть перед тобой, не вдаваясь в причины.

Насколько мне известно, Скотт с Марго вместе несколько лет, и последний раз он слегка нервничал лишь в уикенд рождения семьи. Он владеет феноменальной памятью, и порою достает из памяти удивительнейшие детали, при этом оставаясь абсолютно невозмутимым. Приступая к занятию, к которому его душа не тяготеет, я полагаю, он надевает маску. Но, черт возьми, опять же! Он вполне уверенно, совершенно не заикливаясь на неприязни совершать, осуществляет поставленную перед собой задачу. Он также предпочитает классический стиль одежды, и одному Богу моды

известно, где ему удастся доставать приталенные рубашки и штаны. Его волосы жесткие, нескольких оттенков черного сразу, с переливами в зависимости от освещения. А улыбаясь, он дополнительно завораживает собеседника белоснежными зубами.

После рабочего дня он моментально пропадает. Пятью минутами ранее, находясь на одной волне с тобой, он мог заводить речь о том, что обсуждать обычному человеку ровно час, а через эти пять минут сослаться на дела и исчезнуть, соблюдая все формальности вежливого тона. Прекрасный любовник!

Разумеется, шутка. Он семьянин твердых взглядов с надежным тылом. Если бы полвека назад немцы прижали его штыками к разрушенной стене, ни за что бы он не сдал собственные позиции, при этом умудрившись перенять немцев на свою сторону. Способен шутить обо всем и в любой ситуации.

Как и Чарли, Скотт – кареглаз. Как и Хельга, он способен затрагивать в разговоре вещи, что еще не прозвучали, будто предвидя общение на минуту вперед. Он обожает свой черный узкий галстук. Его воротник идеально выглажен. Часов не носит, видимо, у него свой контрольный механизм в мыслях.

Образ Хельги Сайкс

Вы знаете, легче разжечь огонь льдом под водой, воспроизвести жестами рифмы в произведении или голыми руками и стараниями отважных аквалангистов поднять «Титаник» со дна океана, чем описать Хельгу! Впрочем, историю о последнем шедевре кораблестроения она не любит.

Без сомнения, ее улыбка живительна. Ее настроение меняется подобно ветру в сезон тропических ливней. Когда хорошее – она ласковая и отвечающая теплом на любую нелогичность от тебя. Когда плохое – хочется поскорее умчаться на другой континент от ее холодных, но, черт возьми, справедливых рассуждений. В ее голове крутятся тысячи белочек в колесе, или кровеносных сосудов. Зависит от погоды, температуры тела и воздуха за окном, от времени захода солнца и множества неразгаданных факторов. Она способна очень быстро пересказывать произошедшие события, и без того обаянием затмевая слушателя. Ее голос собран, интеллигентен, женственен и красив. Часто напевает композиции о любви. Со стороны обычному человеку кажется, будто нежно щебечет заморская птица.

Ее главное умение – привносить вдохновение, оставляя кучу вопросов и загадок за собой. Но искать на них ответы – участь наивных.

Прекрасно сочетает пестрые вещи с однотонными, благо-

даря чему на любой встрече в любом обществе будет выглядеть эстетично и стильно. Она словно лучшее лето в юности: дни с ней неповторимы, ярки и теплы. Но повторить их или превзойти в эмоциях – невозможно. Отсюда после встречи наступает внутреннее ощущение осени.

Возможно, некоторым людям посчастливилось встретить Хельгу на своем пути, чтобы сделать определенные выводы, стать сильнее или просто – многое поменять в себе и окружающей обители.

Мне кажется, ее спутник жизни – это небо. Никакие люди, никакие роскошные стены с лепниной или изысканным английским дизайном, славящемся лаконичностью мягких цветов, не способны дать ей самой вдохновения. Небо. Оно резко меняется в цветах и состояниях. Согласно легендам, способно даровать милость или посылать кару. Оно крайне могуче, но в то же время – лирично. Прекрасный фон для счастливых моментов. А если запечатлеть несколько сорванных по росе полевых цветов на фоне доброго небосвода на пленке «Зенита», то получится отражение настроения Хельги в день, когда мы познакомились.

Ночной Оуквуд

История начинается с полуночного фонаря на Оуквуде. Разумеется, от того он полуночный, что зажигается только после того, как последние трудоголики вернутся в свои четыре домашних стены, а не от того, что в ночи просыпается и топает шуметь и греметь на кухне. Его зовут Блэр. Конечно, у фонарей не бывает имен, но несколько зим назад, в канун Рождества, какой-то гуляка оставил свое имя на чугунном орнаменте. Блэр всегда умел слушать, понимать, и даже иногда казалось, что кивает своею тяжелой головой в такт моим мыслям.

Кстати, я. Лайз Грин. Друзья... Хм, вру. Приятели раньше называли меня Лаз, ибо в пьяном угаре так было легче произносить имя, опережая в голосе всех орущих в такт Битлз в четыре утра, тлеющих на старой пленке. А мама звала Лейзи. Особенно утром в воскресенье, когда не было нужды опрокидывать на пол и без того противный будильник. Просто она обижалась, что именно по воскресеньям я не спускался вниз на ее завтрак. Она всегда готовила завтрак. В надежде, что скоро я буду готовить для нее ужин. Буду. Но не скоро. Явно не сейчас.

Ведь сейчас мы с Блэром наблюдали, как капли прошедшего утром дождя бежали вниз на мостовую. Совсем не боясь попасть под поезд. Во мне сражались два чувства. Одно

подстрекало скорее попрощаться со стариной Блэром и, подобно капле дождя, на ходу прыгнуть на спешащий на Восток экспресс. Слышно, как он стучит железными колесами, и его уставший локомотив совсем скоро разминется с тобой взглядами. Но ему придется отказать, ведь завтра придет проверка в моем отделе. Наполовину облысевший от собственной брюзгливости Ларри вновь будет проедать и всем остальным лысины своими мнениями. Скотт снова опоздает, но просочится незаметно под общий шумок, и будто ни в чем не бывало, с улыбкой спросит: «Друг, тебе в кофе с утра наложили? Чего так угрюм?» Знаете, он всегда держал свою харизму в тонусе. На это жаловалась его жена, откровенничавшая, что во время ссоры со Скоттом просто невозможно находиться рядом. «К концу первого часа спора я уже черную наш брак, а он все улыбается, изредка посмеивается, левой рукой поправляя пробор и правой поднося тлеющую сигарету к губам! И ничего не говорит. Лишь обнимет в конце и пригласит на последний ряд на „Джеронимо“, как девять лет назад». Эдакая позитивная струна общества. Чарли. С Чарли у нас даже общий рабочий стол, и иногда мы даже угощаем друг друга пряниками за обедом. Они похожи с Блэром. Оба статны, высоки, и у обоих голова светит. Только у первого от подводимого электричества, (он не виноват, это даже его работа), а у Чарли от развлекающихся на его макушке солнечных зайчиков. Когда его повышали до нашего отдела, он стоял точно также, как Блэр. Даже, черт возьми,

лучше! Чарли даже, думаю, мог бы дать мастер-класс Блэру, как нужно стоять! Вечно он поправлял свои подтяжки. Они были будто его ордена за пережитые времена сухого закона, отразившиеся на его мокрой душе. Нет, он славный пройдоха. Пятый год никак не починит передний бампер на Бьюике. Или, может, чинит... И сразу вновь лишает своего коня передней губы о высокие бордюры Пампл Стрит. Кстати, на Пампл журналистам по пятницам разливают бесплатно. Разбавленный до приторности шотландский виски. Настолько же шотландский, насколько моя зимняя шапка, зашитая немецкими нитками, с пришитым по весне финским козырьком. Но я не куплю себе новую шапку. Она словно подтяжки Чарли, к старости будет наглядно демонстрировать, сколько передраг я пережил.

Как вы могли уже заметить, приятельствую я со Скоттом и Чарли. А Ларри наше начальство. Даже когда мы поздравляли его пятничным вечером с юбилейным полтинником, он угрюмо отчеканил: «Перезвоните в нечетную среду с 10-ти до 2-ух». Надеюсь, рано или поздно, ему не ответит так местный хирург. Иногда Скотт с Марго приглашают меня на выходные барбекю, на озеро близ Ширло. Там живописные места, ничуть не тронутые со времен лордов. И от этого кажется, что даже кусты барбариса там отдают честь до земли, сверкая лампасами. Несколько историй о прожитой неделе, тройка выкуренных и вновь долгий путь по эстакаде в родной Оуквуд...

Так вот, все приближался восточный экспресс. Он настолько уверенно и настойчиво чеканил железные рельсы, что представлялся кредитным агентом. Который отвезет вас и, главное, Ваш дом в мир финансовых достижений, всего лишь за подпись в низу манерного бланка. Второе желание было закрыть глаза. Просто закрыть глаза. Сесть на холодную брусчатку Оуквуда и просто закрыть глаза. Слишком много, что я мог видеть отсюда, напоминало мне о ней.

– Видишь, Блэр, поворот на Соул Стрит? Да, тот, что у самой пекарни, сгори она ко всем чертям! ... – кроме субботних круассанов, конечно же.

– Если бы любовь измерялась круассанами из этой пекарни... как ты думаешь, Блэр, сколько булок бы ушло, чтобы ее вернуть?

Он назойливо молчал. Он делал правильно. Не нужно было называть число, пусть даже неправильное. Если бы все решалось булками из той пекарни, люди Оуквуда быстро потеряли смысл всей жизни. А ее владелец быстро перебрался бы в Ричвуд. Вместе с ним его дочь. Она была безумно красива. Цвет волос напоминал будто лепестки небесных цветов, и от этого ее яркие голубые глаза еще более вводили ее собеседника в прострацию. Будто наркотик. Человек сразу вял, как она отводила свой взгляд. И уже по-другому смотрел вечером за ужином на свою жену.

– Вот, Блэр, еще причина, по которой я не женюсь. И знаешь, какая?

Конечно же он знал, ведь я как минимум уже двадцать таких утверждений поведал этому фонарю.

– Ни черта ты не знаешь! Потому что сначала она скажет, состриги свой пробор, побрейся по-человечески, и, наконец, наведи порядок в своем шкафу, ведь оттуда на голову уже падают книги!

Многое в нашем мире происходит неспроста. Будто кто-то, более мудрый чем мы, хранящий книги в своей голове, а не на запыленной полке, которая того гляди и свалится вниз под гнетом бумажных толщ, решает за нас. Хуже или лучше, мне кажется, он и сам не знает. Вот то же самое и мой шкаф. Да, книги иногда неприятно бьют по затылку, но падая, они открываются на случайной странице. И вверху всегда выгравировано название главы. Знаете, как цыганская лотерея. Какая глава тебе на голову сегодня утром из шкафа упадет, под таким девизом и пройдет твой день. За это я и люблю этот чертов шкаф. Можно в случае чего мысленно обвинять его в случившемся. Это как безнаказанное переложение ответственности. От этого спокойнее. Вот, к примеру, когда мы садимся на дальние сидения автобуса, мы спокойно считаем несущиеся по встречной огни, каждый из которых может в мгновение ока превратить вашу жизнь в летальное дорожное происшествие. Но то ли дело, если бы мы сами рулили. А так это делает за нас старик в малиновой кепке, что досталась ему на бейсбольном матче двадцатилетней давности, с табличкой «Водитель». Это он решает, какими пово-

ротами привезти нас. И мы спокойны. В коей степени доверяя ему.

И тут мне на секунду показалось, что свет Блэра склонился ко мне и застыл с интересом:

– А что потом?

– Семейные квитанции. Либо ничего, – добавил я, набрав легкие дыму.

Вот и пролетел экспресс. Забирая свой железный хвост на горизонте, он будто заверил, что все в порядке, он понимает, но как-нибудь все равно свозит меня на манящие долины Нью-Браски.

Бутерброд с шоколадным маслом

Какое дело сентябрьским утром человеку, по мнению Ларри отданному ему в рабство, до первых оранжевых проблесков на дубах из городского парка? На этот вопрос непристойно отвечал всегда сам же Ларри, раздражавшийся при малейшем опоздании своих рабов. Мне кажется, даже если бы в восемнадцатом веке рабы имели и кулеры, и даже личный «Форд», делавший по шоссе на Ричвуд полторы сотни скорости, топились бы в грязных водах городской реки. Чисто от факта, что Ларри был их боссом. А вот, кстати, несколько плах в гостиной нашего офиса он с удовольствием бы поставил.

Сегодня в нашей типографской мастерской должен был с минуты на минуту появиться человек в шляпе и длинном плаще, которому со своей привычной услужливостью должен был Ларри сунуть белый конверт. Ни Чарли, ни Скотт тоже не понимали, что же в этом выдающегося. Мы единолично пришли к выводу, что заставлять нас надевать рубашки с длинным рукавом и выглаженными воротниками было лишним.

После всей меркантильной канители ожидало самое приятное время рабочего дня. Обед. Я, как обычно, доверял всегда только плову в местной столовой. Чарли же в этом деле был заезженный отважный каскадер – сочетал жирное моло-

ко, одному только Богу известно, свежее ли, с не менее жирным гарниром столовских рукодельниц. Зато мы всегда шутили над Скоттом, что тот наестся одними своими сигаретами. Если находиться с ним рядом целый день, можно заметить, как вечером перед глазами сгущается туман.

Обычный сентябрьский день проходил по своему сценарию, не менявшемуся уже седьмой год, как я устроился работать в отдел к этим славным пройдохам. Вот, сейчас Чарли закончит уничтожать зубочистки с соседского стола, и положит их за батарею, будто так было задумано еще египетскими богами. Спустя пару минут ходики на дальней стене, казавшейся издалека больничной, отчеканят половину первого, разбудив тем самым старого зеваку Брэдли, снова заснувшего вместо обеда. Наверное, это искусство заснуть за столом и не уронить голову в тарелку с первым. К слову Брэдли вегетарианец. Он охранник соседнего с нашей мастерской офиса, в данный момент, как мы уже поняли, спит. Т.е. охраняет собственное пузо от губительного воздействия явно прокисшего супа. Наверное, человек, не знавший Брэда, мог счесть, что у того как минимум три ребенка, в один голос именно по ночам достающих его расспросами, откуда берутся дети!

Расскажу одну историю, пока мы со Скоттом и Чарли ждем чай. Вообще, Брэдли был очень жив и бодр. До определенного момента. Сейчас он – живой ответ на вопрос моей мамы «Чего же я никак не женюсь?». Брэдли тоже не женил-

ся. Единственного, кого он завел – это был маленький ручной медведь, которого ночью, находясь в веселом состоянии, он на спор вытащил из придорожного цирка. За несколько дней они так хорошо поладили, что мы со Скоттом шутили – когда уже ждать пополнения с человеческим телом и медвежьей головой? Но ребята в форме и со значками так и не дали нам узнать, когда же это случится. Но грустен и сонлив Брэдли стал от девушки по имени Марли.

Закончив архитектурную, Брэд всерьез начал работу над открытием собственной фирмы. Его раздражало, что все дома в нашем Оуквуде словно старые бесхозные дубы. Большие, широкие, но мрачные и ненужные. Он пытался создать красоту из простых вещей, и дизайн, который он упорно талдычил местным властям, был совершенно неплохим. Но наконец пришли новые молодые соки в мэрскую палату. Подающие надежду, интеллигентные дипломаты, поставленные на наши пролетарские плечи кем-то свыше. Им предложения Брэда показались довольно перспективными, пока тот не влюбился в сестру местного сапожника Тарни, и не уехал путешествовать на Юг. Новых земель он не открыл, острова на карту не нанес, так своего дома и не построил. Да и с Марли они разбежались, спустя одиннадцать лет насыщенных ссор. На одно утро, после очередной ссоры, а вследствие, порядочного принятия Брэдом виски, она оставила его лежащим пузом к потолку, собрав из дома все, что стоило хоть цент. С тех пор старина продал тот треклятый дом, похоро-

нил в себе Марли и переехал к нам, в старый и недобрый Оуквуд. «Спокойнее» – отзывался он, сидя за кружечкой эля в пятницу, изредка откровенничая.

«Благодарю!» – Сухо отозвался задумавшийся Скотт, принимая наш чай от улыбающейся кухарки. Чай вводил Скотта в некую прострацию, и одному черту известно, что он там в себе анализировал, из раза в раз обжигая верхнюю губу о чашку. Собственно, все шло своим привычным чередом сентябрьским днем. Чарли в своем духе поправлял подтяжки, а я медленно помешивал сахар, стараясь не обделить каждую крупинку. Почему же глава названа «Бутерброд с шоколадным маслом», если я рассказал только о том, кто такой Брэдли и как же трапезничают три доходяги из типографской мастерской?

Наконец, я перестал размешивать сахар и поднял голову. Дверь заведения приоткрылась, и словно легкий ветерок, впорхнула за дальний столик молодая девушка в красной блузке, в этот же цвет за секунду повергшая все мужские лица.

– Добрый день! Что Вы предпочтете?

– Бутерброд с шоколадным маслом.

«...именно так выглядел этот самый столик у окна пятью минутами ранее – неприглядно, одиноко и мрачно. Присутствующим явно показалось, что он буквально ожил, встречая яркую любительницу сладкого...»

Волею судеб

Люди могут любить разные вещи. Даже разных людей. В первом случае не так больнее, а во втором не так расслабляешься. Кто-то предпочитает гольф, кто-то ставки, а третий чемпионствует лишь в местном баре. Но, черт возьми, не может быть двух людей, настолько любящих бутерброд с шоколадным маслом!

Каждое мое выходное утро в детстве начиналось именно с него. Это те самые четыре слова, считая предлог, которыми можно полностью охарактеризовать мое детство! Все ждут Рождества, чтобы открыть большую коробку с подарком, и оттуда выбежит не менее радостный щенок, все готовятся к Хэллоуину за, черт возьми, четыреста дней до него! Но я ждал больше всего выходных и именно это лакомое блюдо.

И сразу для себя я понял, что нас ждет с этой девушкой гораздо большее, нежели... разовое сидение за далекими друг от друга столами в столовой. Понимая, что больше я ее здесь не увижу, заверил ни о чем не подозревающих Чарли и Скотта, что мне нужно в уборную и я догоню их по пути.

Свет нежно переливался на ее светлых локонах, а ее голубые глаза, казалось, испепеляли без остатка все хоть немного умные в тот момент мысли в моей голове! А еще и мою походку. Потому что первое, что я сделал, когда она подняла

голову – споткнулся. О спящего Брэдли. Мысленно поблагодарив товарища нетоварищескими словами, я все же достиг стола, за который присела...

– Хельга, – неожиданно первой представилась девушка, словно зная, что я подойду и обязательно споткнусь по пути.

– Лайз Грин. Очень приятно.

– Взаимно, Лаз.

Что, черт возьми?! Она назвала меня так, будто мы знакомы с детского двора, будто мы вместе праздновали несколько дней школьный выпускной! Она сказала это сухо? Сердито? А может ласково? Может даже маняще? «Кретин Лайз, возьми же себя в руки!» – зарубил я себе.

– Вы... в Оуквуде проездом?

Хоть бы она ответила, что нет! Черт, я идиот. Что, если она сейчас ответит «Да». Неужели проситься ей в спутники на пассажирское сиденье?!

– Нет, собираюсь провести здесь зиму. Говорят, здесь самые красивые заснеженные пейзажи. На окраине, за Тэмпиширом. – приветливо поведала Хельга.

– Вы знаете, самые заснеженные да, но самые красивые в Бич Вуде..

– Вы журналист? – резко оборвала она, на что я молча кивнул головой.

– Терпеть не могу журналистов!

– Я тоже не люблю свое начальство, – попытался было я

отшутиться... – но также люблю бутерброды с шоколадным маслом. Напоминают о детстве.

Хельга с интересом улыбнулась.

– Где Вы остановились?

– Завтра у городского фонтана, в 6:30. Вам удобно? – вновь опережая события, ответила Хельга. Эти слова зависли у меня в голове, ведь... Это была моя фраза! Черт, ох уж эти приезжие девушки!

– Непременно! До встречи! – неожиданно для себя быстро ответил я и скрылся в дверях, перебирая в мыслях городской фонтан.

– Для туалета, Лаз, куда ты так спешил, она явно хороша! – смеясь, поприветствовал меня Скотт.

– Ты явно сходишь в него не один раз! – добавил Чарли.

В тот момент следовало бы преподать господам порядочную взбучку, как минимум оторвать Чарли уже измученные подтяжки, но я лишь посмеялся, и мы как ни в чем ни бывало, зашли в свою мастерскую.

К слову сказать, это был все-таки еще не офис, где в кабинетах собирают информацию, решают, как озаглавить первые полосы, сотни телефонов разрывают все нервы ко всем чертям, а рекламные доходы полнят кошельки владельцев. Это была именно мастерская, которая сама выбирала, чем наполнять сознание читательской аудитории. Вернее, нам с Чарли и Скоттом так хотелось думать.

В понедельник радуют только два момента. Обед и ве-

чер. Вечер в нашей мастерской начинался с того момента, как храп Ларри, доносившийся со второго этажа, будил даже вечно спавшего бульдога Чака. Тот сторожил заправку напротив лучше любого Брэдли, всего за несколько сосисок в неделю. О чем иногда Брэд любил пошучивать. Что он, двуногий, судьбой обделен сосисками, а четвероногий их со скуки на заднем дворе закапывает. На что мы желали Брэдли все-таки заполучить еще две ноги, чтобы тот не обижался на судьбу.

Обычно меня добрасывает до ближайшей станции Скотт, но сегодня я решил прогуляться до дома пешком, все теребя в мыслях «городской фонтан». По своему обыкновению я отвесил приятельскую оплеуху с нетерпением ждавшего меня Блэру, и, закулив, похлопал его по чугунному плечу. Блэр будто загорелся услышать мою историю со всеми подробностями, и о бутерброде с шоколадным маслом, и о том, как я споткнулся о спящего Брэда, и во сколько сегодня я упорхнул с работы... Выдержав многозначительную паузу, посмотрев внимательно прямо в яркую лампочку своего чугунного приятеля, я спросил, рассмеявшись:

Старина,

Был ли ты знаком с шедевром,

Что глазами голубыми ослепляет нашу жизнь?

Фонтан

На следующее утро я проснулся от убивающего чувства, будто на мой лоб упала бетонная плита. Но сразу закрывшаяся в голову мысль о предстоящей встрече ударила еще сильнее «бетонно» упавшей с полки книги. «Черт, надо наконец починить...», – сказал я, было уже дотянувшись до молотка, но телефонный звонок прервал мое движение. В такие моменты меньше всего хочется услышать чей-то скрипящий недовольный голос, оповещавший, скорее всего, о неуплате счетов.

Поднимая трубку, на всякий случай я вспомнил все свои проступки за последние две недели. И даже был бы рад, если таинственный голос из трубки принялся отчитывать за уже признанный казус. Но то была интрига:

– Да!

– Да

– Нет

– Да.

Вот небо... Голубое, местами синее, местами с облаками, с самолетами, звездами и прочими лирическими контурами, что приписывают ему люди не от мира сего, – мечтатели; оно есть и никому ничем не обязано. Оно совершенно. Даже идеально. Всегда ровное, и в каждом его состоянии можно найти красоту. Испорченная погода не на его совести, оно скорее

посредник, а может, и наблюдатель. И тысячи лет по одному сценарию. Небо. Без мозгов, абонемент в фитнес, двухкамерного холодильника и прочего! А гори он в аду, сосед, тоже всегда ровный, даже когда синий, с прочими лирическими контурами, что изрядно приписывает ему жена, держа в руках ключи от его «Бенца», не может понять, что звонить по утрам ради чертового вопроса это сущее преступление! Это я вам еще не рассказывал, как в шесть утра заветного воскресенья ему взбрело попросить пылесос. Но до заветного дня недели оставалось еще добрых несколько десятков часов – и в четверг особенно хочется, чтобы они шли быстрее.

По дороге на работу помимо хмурых и спешащих лиц не давала покоя мне мысль о приближающейся встрече. Сегодня она казалась мне чем-то отдаленным, будто собиралась произойти не со мной. Будто даже не я вчера, не так много часов назад, о ней договорился с ровного места. И я даже на одном перекрестке было успокоил себя, что сейчас думать о ней не стоит, а за час до нее может что и решиться или поменяется. «Но, возможно, стоит брать максимум, а не довольствоваться скромным началом?» Ответив себе утвердительно, я приободрился и зашагал быстрее, благо, ставший родным за прошедшие годы Пампл уже виднелся.

Как и следовало было ожидать, Скотт с Чарли уже стояли у входа в мастерскую, что-то обсуждали, изредка кивая головой, при этом совершенно не смотря друг на друга. Скотт

и его сигарета считали глазами пролетающие мимо машины, Чарли же по обыкновению мысленно приделывал передний бампер. Мое появление отвлекло достойных граждан от их привычных утренних увлечений и первый подал признак жизни Скотт:

– Лаз! Ты?

– Нет, Багз Банни!

– Тебе явно не хватает морковки и пушистого хвоста, но хотя бы серое пузо есть!..

– Вот чертяга! Рад тебя видеть, лучше бы вместо свежие шутки привез вместо сигаретного тумана, уже от него лысина Чарли не так блестит, как в старые добрые.

– Ха, то верно!

Внезапное появление Ларри так и не дало Чарли возможности ответить за свою утраченную блеск лысину.

– Ну чего уставились? Заходите внутрь, сегодня много работы! На часах 8:02 и даже, черт возьми, медная кукушка на бостонских часах пропела, пока вы трясете здесь лбами!

– А вот, ребята, и ложка дегтя в наше медовое утро, – туша сигарету, сухо добавил Скотт.

– Ага, как раз размером с бочку.

Зайдя внутрь, мы были сразу готовы окунуться в рабочий лад, и я было уже потянулся за карандашом, но снова критичный от рождения и писклявый от собственной души голос Ларри прервал мое намерение:

– Срочно жду вас наверху!

Быстро поднявшись, первым делом мы увидели лежащий на развороте свежий выпуск «Краймс», на котором пестрила сенсационная фотография убитой накануне кинознаменитости. К слову, около месяца назад она давала интервью недалеко от Пампл Стрит, и, пожалуй, единственное, что мы приятного отметили с той рабочей поездки, – мы быстро дошли пешком и не встряли ни в какое происшествие. На фотографии она выглядела более симпатичной, ухоженной, а Чарли и вовсе, отдал дань фотографу за удачно выбранный ракурс.

– Да, и свет отсюда на ножки лучше падает... Он словно хотел показать, как много потерял современный кинематографический мир... – оценивающе поддакнул ему Скотт.

– Ну, довольно болтовни! Нам нужно расширять горизонты, а то не на что будет скоро потолок чинить на чердаке! К слову, если мы проявим себя в этом деле, офицер Ричардсон обещал личную благодарность.

В этот момент все трое представили, что же может быть этой личной благодарностью. Повысить рейтинги, закрыв остальные мастерские города? Премия? В конце концов, перестать во время разговора доедать курицу, застрявшую в зубах на обеде? Так обещанная награда и осталась тайной за устами славного офицера Ричсона, как звали его коллеги, не менее brave и не менее славные.

– Преступление было совершено в ночь на 23-е, на Браун Стрит. Двойное ранение левого бедра, неоднократные порезы бытовой бритвой в районе живота. – со свойственной су-

хостью зафиксировал, будто заправский следователь, Ларри.

– Журналиг, обычно, не допускают в первые часы следствия. – подметил Чарли, перебирая подтяжки, все еще надеясь, что озвученное выше нас не коснется.

– Значит вольетесь в это дело от следствия! Представитесь участниками, над лицензией пусть думает Ричардсон. Ну а вы в полном составе, марш на Браун Стрит!

Без эмоций я положил на место карандаш, переглянулся со Скоттом, и мы вышли на крыльцо, поторопив на сие действие и Чарли.

– Мы будто ищейки? Черт возьми, наглость средь белого утра. Плохо нынче дела полицейские идут, журналистов привлекают в следствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.